

СОКРОВИЩА СМОЛЬНОГО

Александр Рыженков
Сокровища Смольного

«Автор»

2026

Рыженков А.

Сокровища Смольного / А. Рыженков — «Автор», 2026

Что вы знаете о Смольном институте благородных девиц? Двенадцатилетняя Аня думает, что Смольный — место, где будущих лучших жён Империи учат безупречным манерам и послушанию. Но вместо спокойной учёбы её ждут загадочные механизмы, подземные лабиринты и опасные тайны. Стивепанк-приключения в Российской Империи накануне отмены крепостного права.

© Рыженков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I.	5
II.	8
III.	10
IV.	12
V.	14
VI.	16
VII.	19
VIII.	20
IX.	22
X.	24
XI.	27
XII.	29
XIII.	32
XIV.	34
XV.	36
XVI.	38
XVII.	40
XVIII.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Рыженков

Сокровища Смольного

I.

Сколько весит папа в гробу?

Мысль, конечно, постыдная. И уж точно не достойная порядочной барышни.

Однако после нескольких дней умопомрачительного одиночества и почти полного молчания в голову лезло всякое.

Наверное, как мамин дорожный сундук. Значит, нужно как минимум трое крепостных, чтобы его поднять.

Папы не было дома семь лет. Аня знала, что папа служит где-то далеко на Кавказе. Совершает подвиги и бьёт басурман. А ещё Аня знала, что имение живёт не за счёт крестьян, а за счёт его жалованья. Так всегда говорила матушка.

А теперь вот гроб.

Все эти люди, которые сейчас наполняли церковь, вели себя так, будто были папе закадычными друзьями. И, конечно, видели его буквально позавчера.

Все.

Вот прям каждый из этой огромной толпы.

Тут были крестьяне из соседних деревень, бородатый купец, дворяне в приличных костюмах, четверо батюшек. Отставные солдаты в поношенной рваной форме. В такой явно не ходят на войну.

У одного не было ноги.

По идее, герои войны должны восхищать. А этот — пугал.

— Это кто? — тихо спросила Аня у матери.

Мать не сразу поняла, о ком речь.

— Где?

— Вон тот, — Аня аккуратно кивнула.

Мать посмотрела и быстро отвела взгляд.

— Сослуживец твоего отца.

— Он страшный.

— Аня.

— Ну правда же.

— Не говори так. Он герой и ветеран. И ногу потерял на поле боя!

Будто нельзя одновременно потерять ногу в бою и быть страшным.

Папа лежал в гробу в парадном мундире, а сверху положили что-то вроде покрывала с крестами. Аня хотела поправить отцу воротник, но знала, что нельзя.

А страшный одноногий ветеран стоял в углу и наблюдал.

За спиной Ани шептались две старушки. Они вроде как говорили ровно то, что видели, но в их словах всё равно не было ни капельки правды.

— Молодой ещё вроде был...

Да нет, вон он седой уже совсем.

— Говорят, самоходная пушка взорвалась. Экспериментальная!

Кажется, никаких самоходных пушек не существует.

— А девочка-то как на него похожа...

Совсем не похожа. Тёмно-русые волосы, карие глаза. Едва курносая. Все всегда говорили, что Аня больше похожа на маму.

Священник вышел медленно. Он говорил слова, которые Аня слышала и раньше — на праздниках и службах, — но сейчас они звучали иначе: длиннее и как будто тяжелее. Некоторые слова она знала, а некоторые нет, но спрашивать не хотелось.

Да и нельзя.

Люди подходили к гробу по одному. Мужчины кланялись и крестились. Женщины вздыхали и говорили что-то шёпотом. Солдаты тоже подходили. И каждый что-то да говорил.

— Ну вот и всё, Пётр Петрович, — тихо сказал один, — а ты всё говорил, что не от пули погрёшь, а от водки.

— Тихон... — попытались его остановить.

— Да что «Тихон»? — буркнул солдат. — Он бы сам посмеялся.

От пули. Значит, и правда дело не в самоходной пушке. Солдату-то виднее.

А страшный одноногий ветеран держался в стороне.

Для вида подошёл.

Перекрестился.

И никому ничего не сказал.

— Иди, Анечка, — матушка подтолкнула её вперёд.

Аня подошла, посмотрела на отца и не знала, что делать дальше. Поцеловать? Где? Лоб? Руку? Она видела, как это делают другие, но всё равно боялась сделать не так.

Старушки у Ани за спиной продолжали шептаться.

— Дочку подвели.

Вообще-то подтолкнули только. А так — сама подошла.

— Маленькая ещё.

Ну это спорно: уже одиннадцать.

— Барышня-то сирота теперь...

Сирота — это когда ни мамы, ни папы. А мама — здесь и, слава богу, жива.

Аня так и не решила, как попрощаться с отцом. Она быстро наклонилась и коснулась губами края покрывала.

Покрывало было скользкое.

И пахло чем-то церковным.

Священник теперь читал по бумажке:

— Раб Божий Пётр Петрович Селиванов...

Потом прозвучало слово «новопреставленный», и ей это не понравилось.

Куда преставленный? К кому? Так бы и сказали, что мёртвый.

Грустно не было. Наверное, если бы она знала отца лучше и видела чаще — было бы. Но не было. И от этого становилось немножко страшно. Словно с ней что-то не так.

Когда служба закончилась, взрослые сразу заговорили громче. Кто-то обсуждал дорогу, кто-то морозы, кто-то службу на Кавказе.

— Хороший был офицер.

— Да-а... таких теперь мало.

— А ведь мог в штаб перевестись.

— Не захотел.

А страшный одноногий ветеран никому ничего не говорил.

А прямо за церковной оградой крестьянские дети прыгали с ветки дуба в сугроб.

— Гляди! Гляди, как я могу!

— А ну выше лезь!

— Дурак, провалишься!

Один прыгнул особенно неудачно и ушёл в снег почти целиком. Только голова торчала из сугроба.

Мальчишки захохотали.

Аня смотрела, как заколачивают крышку гроба её отца.
И в этот момент ей больше всего на свете хотелось прыгнуть с дуба в сугроб.

II.

Поминки показались Ане очень странной традицией. Почти как именины: все пьют, едят и нахваливают одного человека.

Только здесь говорили «был». И почему-то все знали про её отца больше, чем она сама.

Людей на поминки осталось меньше, чем было в церкви. Но всё равно почти все — незнакомые. Аня знала только матушку, приехавшего из Петербурга дядю Андрея и его единственного слугу Василия Дмитриевича.

Ну и парочку соседей, конечно же.

— ...а вы прям думаете, ребёнку тут интересно? — вдруг услышала Аня слова дяди Андрея. И все почему-то посмотрели на неё.

А потом на матушку. Матушка едва заметно кивнула.

Слава богу.

Аня правда чувствовала себя тут лишней. Гораздо интереснее сидеть в кабинете и читать какую-нибудь книгу. Гулливер ведь уже добрался до летающего острова, жители которого умели строить удивительные машины. И было безумно интересно, как там устроена жизнь.

Аня зашла в комнату отца. Когда-то это был кабинет: отец отвечал тут на письма, разбирал бумаги. Потом комнату просто использовали для хранения книг и документов. Иногда здесь работали маменька или приказчик.

— Ой!

Возле отцовского стола сидел солдат. Тот самый — одноногий, с густой бородой.

— Здравствуйте, барышня, — сказал он и попытался встать.

Ане показалось странным, что он сидит тут. И что встаёт так тяжело — ведь ещё несколько часов назад она заметила, как быстро он ходит на своей...

Палке? Подставке? Ножке от табурета? Как это правильно называется?

Намного быстрее, чем ожидается от человека без ноги.

— Извините, что сижу в кабинете вашего отца, — сказал солдат. — Просто тут тихо. А мне после контузии тяжело, когда шумно.

Он говорил спокойно. Даже слишком спокойно. Не как крестьяне в деревне. И не как городские господа. По-другому.

Солдат медленно пошёл к двери.

Уже возле выхода он вдруг остановился.

Обернулся.

Посмотрел на часы над столом.

Старые часы с потемневшим циферблатом давно не ходили — Аня это точно знала.

Солдат подошёл ближе и поднял руку. Сначала Ане показалось, что он хочет посмотреть время.

Но он не смотрел. Он слушал.

Потом осторожно нажал куда-то сбоку корпуса. Раздался тихий щелчок. Солдат замер на секунду, будто проверяя что-то, потом кивнул самому себе.

— Тут бывает заедает, — негромко сказал он. — Если долго не открывать.

И вышел. Дверь закрылась. Несколько секунд ничего не происходило.

Тик-так, тик-так, тик-так.

Аня подняла голову.

Часы, которые молчали уже несколько лет, вдруг пошли. И правда, починил.

Она медленно села за стол. Ровно так, как когда-то сидел здесь отец.

И в этот момент с полки упала книга.

Аня вздрогнула, подняла её и машинально поставила обратно. Книга вошла слишком легко. Странно. Раньше свободного места на полках не было. Может, это страшный одноногий ветеран что-то забрал?

Нет. Глупости. Зачем ему воровать книги? Наверное, маменька или приказчик унесли какие-то бумаги. В конце концов, солдат только выглядит пугающе. А на самом деле он ногу на войне потерял. И тоже, как папа, герой войны.

И может быть, даже совсем не страшный.

III.

После похорон стало правда тяжелее.

Маменька всё время говорила про деньги. Не прямо при Ане, конечно. Но взрослые всегда думают, что дети ничего не слышат.

Говорили, что оброк не приносит никаких доходов. И что в этом году траты надо будет сократить. А в следующем обязательно придумать, что делать с имением. Либо изыскать где-то средства, либо продать.

— На первое время хватит, — сказал дядя Андрей.

— А потом? — тихо спросила мама.

Дядя Андрей ничего не ответил.

Аня, конечно же, не хотела, чтобы имение продавали. Но её, конечно же, никто не спрашивал.

Потом дядя уехал. Сказал, что сначала в Петербург, потом зачем-то в Тверскую губернию, потом снова в Петербург. Перед отъездом наклонился к Ане и сказал:

— Вернусь с новостями.

Но новости приходили и без него. И только плохие.

Сначала уволили гувернантку. Без скандала. Даже почти ласково. Она собрала вещи, поцеловала Аню в макушку и сказала:

— Анна Петровна, вы уже большая. Вы со всем справитесь.

Аня не очень поняла, с чем именно должна справляться большая Анна Петровна, но всё равно кивнула.

Потом стали отменять занятия.

Сначала закончился французский.

— Потому что не с кем заниматься, — объяснила мама.

Потом арифметика.

— Ты и так всё знаешь.

Чтение оставили исключительно то, которое для души, а не то, которое положено. Но и книг новых дома не появлялось.

Именины прошли тише обычного.

У Ани и раньше не было много гостей на праздники. Очень трудно, знаете ли, завести друзей, когда ты единственная маленькая дворянка на всю округу. Не с крестьянскими же мальчишками дружить. Они, во-первых, опасные, а во-вторых, нельзя.

— Ничего, — сказала матушка, — камерные мероприятия — самые тёплые.

Ане подарили не игрушку или книгу, а новые туфли. Хорошие, настоящие, городские, с блестящими носами и металлическими пуговицами по бокам.

Но всё равно — новые туфли надо покупать, когда старые прохудились. А на именины дарить что-то по-настоящему интересное.

Дядя Андрей вернулся только в конце июля. И привёз из своего Петербурга две новости.

Во-первых, он договорился с друзьями, которые разбираются в экономике, помочь с имением.

А во-вторых, Аню определили куда-то для девочек.

— Это для сирот? — спросила она.

— Нет, ты что!

Взрослые рассказали, что это не для сирот, а наоборот — для представительниц самых благородных родов империи. И что дяде Андрею пришлось потрудиться, чтобы Аню, как дочь покойного героя войны, устроить туда за казённый счёт.

А называлось это учреждение Императорский Смольный институт благородных девиц.

А это значило, что и Ане, и матушке надо ехать в Санкт-Петербург.

IV.

Дорога заняла почти неделю.

За окнами экипажей мелькали одни и те же пейзажи. Берёзки, деревня, кладбище.

Василий Дмитриевич периодически что-то кричал деревенским мужикам.

— Далеко ли до Пскова?

— Да вёрст тридцать! — ответили мужики.

И опять: берёзки, деревня, кладбище.

Аня ждала Петербург, будто Рождества.

— А это уже Петербург?

— Нет, это Псков.

Постоялые дворы тоже походили друг на друга.

Те же лавки. Те же кружки. Те же разговоры.

— Ну как дорога?

— Да слава Богу.

— А у вас?

— Да слава Богу.

И почему-то люди беседовали, как старые знакомые. Хотя люди явно видели друг друга первый раз в жизни.

— А это уже Петербург?

— Нет, это Новгород.

Берёзки, деревни, кладбища.

А потом начала меняться дорога. Она стала шире. Ровнее. Экипажей стало слишком много, и никто никому не уступал. Потом появился шум. Не отдельные звуки, а постоянный гул, будто где-то рядом работала огромная машина.

А потом — запах.

Сначала Аня подумала, что где-то в кустах за дорогой сдохла кошка.

Запах становился сильнее. Сырость. Дым. Навоз. Гнилая вода. Уголь. Рыба. И ещё что-то непонятное, тяжёлое и городское.

Аннушка поморщилась.

— Чем тут пахнет?

Василий Дмитриевич хмыкнул.

— Столицей.

Аня уже не спрашивала, Петербург это или нет.

Она и так поняла.

Дядя Андрей глубоко вдохнул, даже не поморщившись. Так, наверное, вдыхают запах дома, когда оказываются в нём после долгой дороги.

Наверное, надо быть очень странным человеком, чтобы дышать в этом городе полной грудью. Приспособившимся, что ли.

— Вот теперь Петербург.

Экипажи грохотали со всех сторон.

Наверное, если встать посреди дороги — тебя затопчут, переедут и не заметят.

— Сколько же тут всего — тихо сказала Аня.

Они проехали один мост. Потом второй. Потом ещё.

Некоторые были каменные. Некоторые — железные, с тяжёлыми клёпаными фермами и сигнальными фонарями на башнях.

Внизу была тёмная вода. Не деревенская речка, а какая-то серьёзная, тяжёлая. Государственная.

У одного из мостов как раз звонил предупреждающий колокол.

Снизу, из-под пролётов, с шипением вырывался пар. Несколько рабочих в промасленных куртках крутили огромные колёса механизма.

— А зачем? — не поняла Аня.

— Разводить будут, — сказал дядя Андрей. — Ночью баржи пойдут.

Аня вытянула шею.

Она, конечно, слышала о разводных мостах. Но не могла представить, что конкретно вот этот мост — большой и тяжёлый, — по которому только что ехали экипажи, вдруг оживёт и разделится на две части. Так не бывает.

После набережной свернули. По обе стороны теперь тянулись дома.

Высокие. Ровные. С одинаковыми окнами. Дома тут стояли впритык, и по центру каждого чернела арка, ведущая во двор. Где-то вверх уходили лестницы. Где-то под крышами тянулись железные трубы.

— Тут можно заблудиться, — сказала Аня.

— Можно, — согласилась мама. — Поэтому в городе ты не будешь гулять одна.

В деревне можно было гулять где угодно. Но там было пусто, что ли.

А тут было сразу много всего.

Извозчики кричали друг на друга. Где-то звонил колокол. Где-то стучали молотки. Где-то за кирпичной стеной тяжело работала паровая машина — размеренно, как огромное железное сердце.

Иногда над улицей вдруг раздавался короткий свист, и из медных труб вырывался пар.

Аня почувствовала себя чужой.

В деревне пахло навозом, сеном или печкой. А здесь всё смешалось сразу: дым, сырые каналы, уголь, лошади, гнилая вода и ещё что-то металлическое. Будто сам воздух тёрли напильником.

— Фу, — не выдержала она.

Василий Дмитриевич усмехнулся:

— Это ещё ветер хороший.

Аня никогда в жизни не видела столько людей одновременно. Даже на ярмарке.

А тут все бегут, всё работает, шумит, едет.

V.

— Ну-ка, Митрич, надевай свой самый парадный сюртук!

Василий Дмитриевич был очень странным крепостным. У него было несколько комплектов одежды на все случаи жизни. Свободное время он коротал за книгами. И Аня была уверена, что однажды даже видела, как он ест по-дворянски: ножом и вилкой.

Матушка и дядя Андрей занимались своими взрослыми делами: ходили по салонам и разговаривали со знающими людьми о том, как спасти имение. А Ане в гувернёры определили Василия Дмитрича и отправили гулять.

Зато можно было ходить по городу и спокойно всё разглядывать.

Булыжники под ногами лежали ровно, плотно, почти без грязи. И по начищенной до блеска мостовой летали экипажи.

Лошади фыркали. Кучера орали друг на друга так, будто ругаться — часть городской работы.

Никто не стоял просто так.

Даже разговаривали здесь на ходу.

Из открытых лавок тянуло хлебом, кожей, дымом и чем-то сладким. Где-то звякнуло стекло. Потом резко заскрипел металл.

Аня вздрогнула и обернулась.

Вдоль стены медленно поднимался металлический поднос с ящиками. Сам по себе. Конструкция скрипела, кряхтела и дёргалась, но работала.

Наверху открылась дверь балкона.

Женщина забрала груз и крикнула вниз:

— Спасибо!

— Приятного аппетита! — донеслось с улицы.

Аня несколько секунд молча смотрела на механизм.

— Что это?

Митрич тоже посмотрел вверх.

— Какой-то механизм. Внутри шестерёнки, цепи ещё что-нибудь такое. Вот и ездит.

Сказал он это так, будто механизмы сами собой вырастают в Петербурге из мостовой.

Потом махнул рукой:

— Но это булочная. А нам нужна кондитерская. Андрей Петрович приказал угостить тебя десертом, которого в Псковской губернии не бывает.

В кондитерской было прохладно, как в погребе.

За стеклом стояли блестящие формы, металлические крышки и какие-то странные ящики. Всё выглядело очень аккуратно и немного подозрительно.

Митрич подошёл к прилавку и уверенно произнёс:

— Мороженое для барышни.

Продавец кивнул и исчез за дверцей. Оттуда сразу потянуло холодом. Настоящим. Будто зимой открыли окно.

— Мороженое что? — тихо спросила Аня.

Митрич задумался. Очень серьёзно. Как будто у него самого в голове были шестерёнки, цепи и ещё что-нибудь такое.

— Не знаю, — признался он наконец. — Но барин велел угостить.

— Оно холодное?

— А какое ж ещё, — удивился Митрич. — По названию если судить.

Продавец вернулся и поставил перед ними маленькую чашку.

Внутри лежало что-то белое, гладкое и блестящее. Аня посмотрела с подозрением.

— Это точно едят?

— Абсолютно точно, — сказал Митрич, — своими глазами видел.

Ложка оказалась холодной ещё до мороженого.

Аня осторожно попробовала.

И сразу вздрогнула.

Холод ударил в зубы, язык будто на секунду перестал понимать, что происходит. А потом появился вкус.

Очень чистый.

Как будто ешь снег, который почему-то ещё и сладкий. И жирный.

— Ну? — спросил Митрич.

Аня подумала.

— Интересно.

— В Петербурге много чего интересного, — философски заметил Митрич.

С мороженым они вышли обратно на улицу. Там оно сразу стало мягче, и Аня начала есть уже смелее.

Так, с чашкой в руках, они дошли до Летнего сада.

За оградой стало тише. Шум города будто отодвинули подальше. Аллеи тянулись ровно, деревья стояли аккуратно, а гравий под ногами хрустел спокойно и размеренно.

— Тут можно идти медленно, — сказал Митрич. — Город не обидится.

Аня кивнула и съела ещё ложку мороженого.

VI.

В парк вошли девочки.

Много.

Сначала Аня заметила платья.

Синие. Глубокого тёмного цвета, как море в шторм. Аня видела такое на картинах.

Эти девочки шли первыми, и сразу было видно, как трудно им идти спокойно. Одна чуть подпрыгивала на ходу, другая всё время оборачивалась к подружкам, кто-то едва сдерживал смех.

Они старались держаться парами, но постоянно сбивались.

— Как воробьи, — тихо сказала Аня.

— Ага, — согласился Митрич. — Дорогие императорские воробьи. Это смолянки, барышня. Ровно то, что ожидает и вас.

Следом шли девочки в сером. Постарше.

Эти уже двигались ровнее, хотя тоже не совсем идеально. Одна быстро шепнула что-то соседке, прикрыв рот ладонью. Молодая воспитательница рядом сделала вид, что не заметила, но уголки губ у неё дрогнули.

Девочки тут же выпрямились. Будто вспомнили, что они воспитанные.

А потом появились белые платья.

И Аня невольно замолчала.

Они были совсем другими. Спокойными. Светлыми. Шли медленно, будто вокруг них время текло по какому-то своему графику. Осторожнее, чем другие.

Солнце скользило по ткани, и на секунду казалось, что платья сами светятся.

Почти как в сказке.

— Какие красивые — очень тихо сказала Аня.

В этот момент раздался резкий голос:

— Госпожа Данилевич, не задерживайтесь в воротах!

Голос был сухой, чёткий и какой-то слишком правильный. Будто каждое слово сначала измерили линейкой.

Аня сразу посмотрела туда.

Перед строем стояла женщина. Высокая. Очень прямая. На ней было тёмное платье, совсем не похожее на остальные. Строгое. Узкое. Без единой лишней складки. Лицо бледное. Глаза внимательные и холодные. И длинный немецкий нос, из-за которого она казалась похожей на сердитую птицу.

Девушка в сером платье, к которой обратилась сердитая птица, вздрогнула, шагнула назад и быстро сделала книксен.

— Простите, госпожа Фогт! — сказала она торопливо.

Немка-воспитательница сурово оглядела строй.

Женщина медленно прошла взглядом по строю.

— Госпожа Оболенская, у вас на рукаве пыль.

Высокая девушка в белом тут же опустила глаза на рукав и быстро стряхнула невидимую пылинку.

— Смолянка должна выглядеть аккуратно до такой степени, — сухо сказала женщина, — чтобы выделяться этим в любом обществе, какое только можно вообразить.

Она сделала ещё шаг.

— Госпожа Румянцева, лента перекручена.

— Простите, госпожа Фогт.

Теперь Аня заметила, что девочки действительно всё время следят за платьями. Кто-то украдкой поправлял складки, кто-то проверял манжеты, кто-то стряхивал с юбки несуществующую грязь.

Даже белые платья каким-то образом оставались белыми.

Это казалось невозможным.

— И ещё раз напоминаю, — продолжила госпожа Фогт, — скамейки в Летнем саду существуют не для того, чтобы на них карабкаться ногами. Вы не гимназисты!

Строгая воспитательница, которую называли госпожой Фогт, едва заметно кашлянула в кулак, и девочки вытянулись.

— Фрайцайт, то есть время для прогулки в Летнем саду, должно начаться ровно в полдень. Но я думаю, если мы начнём раньше на несколько минут, ничего страшного не произойдёт. Особенно если госпожа Данилевич не будет пытаться доказать обратное.

Пара старших девочек в белых платьях с недоверием посмотрели на ту, которая минуту назад замешкалась в воротах.

Госпожа Фогт развернулась и сделала несколько шагов вперёд: она словно показала, что начался фрайцайт.

Аня тоже сделала несколько шагов, оказавшись возле начальницы смолянок
БАХ!

Вдруг раздался грохот.

Такой, который слышишь не ушами, а всем телом.

Ане показалось, что кто-то толкнул её в грудь изнутри. Воздух ударил в рёбра. Сердце дёрнулось и на мгновение сбилось, будто пропустило шаг.

Только потом она услышала звук.

Он был огромный и короткий одновременно — не громкий, а тяжёлый.

Такой, от которого не закрывают уши, потому что не успевают. Звук прошёл сквозь неё целиком, от макушки до пяток.

В животе стало пусто и холодно. Колени на секунду ослабли, как будто она резко встала после долгого сидения. Пальцы сами сжались вокруг чашки — она выскользнула из рук. В ушах зазвенело тонко и неприятно, будто кто-то натянул внутри тонкую проволоку.

Через секунду Аня пришла в себя и увидела, что весь строй смолянок глядит на неё.

Вернее, на неё и на строгую воспитательницу, с ног до головы теперь измазанную Аниным мороженым.

Смолянки. Смотрели. С ужасом.

— Я нечаянно — сказала Аня.

Госпожа Фогт посмотрела на неё не сразу.

Сначала — на испачканное платье. Потом — на мороженое на камнях. Потом — на руки Ани.

— Nichts ist zufällig, — сказала она тихо по-немецки. — Ничто не бывает случайно.

Слова были чужие и холодные. Как у армейского командира. Аня не видела, но даже Митрича поведение воспитательницы заставило выпрямиться, как в строю.

— Нечаянно, — повторила Фогт уже по-русски. — Это когда человек не знает правил. Или знает, но считает, что они для других.

Она слегка выпрямилась.

— Как вас зовут?

— Аня.

— Анна, — сказала Фогт, будто поправив её, — слушайте внимательно, Анна.

Она говорила спокойно. Даже вежливо. И от этого становилось хуже.

— В публичных местах не едят на ходу. В воротах не задерживаются. Перед строем не останавливаются.

Каждую фразу она отделяла паузой. Не для Ани — для девочек за спиной.

— Вы нарушили все эти правила одновременно, — сказала Фогт. — И мы сразу увидели последствия.

Смолянки стояли неподвижно. Ни одна не подняла глаз. Даже молодая воспитательница, стоявшая возле девочек в серых платьях.

— Вы не моя воспитанница, — продолжила Фогт. — Следовательно, я не имею права вас наказывать

Аня вздрогнула. Фогт сделала короткую паузу.

— Зато имею право объяснить.

Фогт снова посмотрела на Аню.

— Анна, вы из Петербурга?

— Нет, — Ане почему-то стало стыдно, что она не из Петербурга. Будто это было задание, с которым она не справилась: родиться в столице.

— То, что вы не из Петербурга, объясняет вашу неловкость. Объясняет, но не оправдывает. Здесь в полдень стреляют из пушки. К этому можно привыкнуть. Впредь старайтесь

За спиной у Ани кашлянул Митрич. Воспитательница на миг взглянула на него и предусмотрительно сделала шаг назад.

— Впредь старайтесь быть аккуратнее, — закончила госпожа Фогт, — хорошего Вам дня.

— И Вам — сказала Аня и тут же посмотрела на смолянок.

Одна из них, перепуганная чуть меньше других, глядя Ане в глаза, слегка качнула головой и чуть присела. Аня поняла этот молчаливый совет и сделала книксен перед воспитательницей.

— И всё? — шепнула одна из смолянок.

Госпожа Фогт, удовлетворённая прощанием, развернулась к воспитанницам. Несмотря на испачканное платье, держалась она безумно уверенно. Словно так и должно быть.

— Прошу считать сказанное общим правилом, — сказала она. — Дарья Ивановна, — обратилась она к молодой воспитательнице, — девочки остаются под вашим руководством, пока я не приведу себя в порядок. Будьте аккуратнее с с прохожими.

Госпожа Фогт развернулась и, подняв свой тонкий немецкий нос, быстро зашагала из сада.

Одна из смолянок в синем посмотрела на Аню. На конопатом лице виднелась ухмылка.

— Знаешь, тебе повезло, что ты не одна из нас, — сказала девочка. — Была бы ты настоящей смолянкой, так легко бы не отделалась.

Аня не понимала, что ей делать. Дышать? Не дышать? Убегать? А куда? Хотелось перестать существовать. Исчезнуть — и всё. Не насовсем, но хотя бы на пару минут. И оказаться потом в деревне.

— Не слушай её, — к Ане подошла одна из старших, высокая блондинка в сером платье.

Она присела так, чтобы смотреть Ане в глаза, и тихо шепнула:

— Пока фрау Фогт нет, открою тайну, — услышав про тайну, Аня нагнулась к старшей смолянке, — ты исполнила мечту половины института. Это правда стоило тарелки мороженого.

VII.

Митрич тронул Аню за плечо.

— Пойдёмте, барышня. Тут дальше на воду выходят.

Они пошли вдоль аллеи, подальше от смолянок и страшной немки. За спиной ещё слышались шаги, голоса и хруст гравия, но постепенно всё это смешалось с шумом сада.

Когда вышли к набережной, стало просторнее.

Аня сразу остановилась. Река была огромная. Не как речка возле их имения. Не как пруд, из которого крестьяне черпали воду. Не как что-то, через что можно быстро перебраться.

По реке медленно двигались лодки и баржи. Где-то далеко стоял огромный фрегат с белоснежными парусами.

На другом берегу поднимались стены и башни.

— А что это был за грохот? — спросила Аня. — Правда пушка?

Митрич кивнул.

— Из крепости стреляют. Император Пётр ещё приказал.

Он показал рукой.

— Видите башню? Вот там рядом пушка. Каждый день ровно в полдень.

Аня поёжилась.

— А зачем?

Митрич задумался.

— Чтобы все знали, что время идёт, — сказал он наконец, — и что его не остановить.

Это прозвучало слишком серьёзно для обычной пушки.

— А ядро куда летит? В море?

— Никуда. Ядра там нет.

Аня нахмурилась.

— Как это?

— Холостой выстрел. Шуму много, вреда никакого.

Он облокотился на перила.

— Бахнет, дым пойдёт — и всё. А город узнаёт, что уже полдень.

Аня посмотрела на Неву. И вдруг подумала, что в столице империи вообще всё работает по заранее написанным правилам.

Даже пушка стреляет не для войны, а по часам.

— Василий Дмитриевич — тихо спросила она. — А меня теперь точно возьмут в Смольный?

— Не переживайте, барышня. Здесь людей столько, что всех не упомнишь. Немка эта ваше лицо через день забудет.

— Сколько людей?

— Много, — уклончиво сказал Митрич. — Больше, чем в десяти Псковах.

Аня попыталась представить четыре Пскова сразу и не смогла.

Митрич вдруг оттолкнулся от перил.

— Пойдёмте.

— Куда?

— На вокзал.

Аня не сразу поняла слово.

— Это где поезда?

— Это где всё приезжает и всё уезжает, — пояснил Митрич. — В Петербурге, барышня, даже встречи и расставания происходят по расписанию.

И Аня пошла смотреть, сколько в Петербурге людей.

VIII.

На следующий день Аню повели к портному.

Мастерская пахла паром, мылом и чем-то ещё — будто здесь варили ткань. Вдоль стен стояли манекены на деревянных подставках: одни — в недошитых платьях, другие — голые, с булавками в боках. Казалось, они дремлют и только ждут приказа начать танцевать.

Когда Аня вошла, маленький портной в жилете и золотых очках сразу поднял голову.

— А, вот и барышня. Куда платье шьём?

— В Смольный, — сказала маменька. — Второй разряд.

Портной уважительно кивнул.

— Сделаем. Будете там самой строгой, барышня. Смольный любит аккуратных.

Маменька слегка подтолкнула Аню вперёд. Та встала на низкую деревянную подставку.

— Не двигайтесь, — предупредил портной. — У меня рука быстрая, а булавка острая.

Он вытащил из кармана мерную ленту и начал работать.

Двигался портной так быстро, будто снимал мерки по сто раз в день.

— Рост хороший Плечи узкие, но это кроем поправим Талия — вот тут Ага

Он говорил почти шёпотом, но так, чтобы все слышали.

Холодная лента коснулась шеи, потом плеча, потом спины. Хотелось вздохнуть, но нельзя — платье потом будет сидеть криво.

— В Смольном всё строго, — продолжал портной. — Коричневый цвет — для самых маленьких. Синий — для средних. Серый — для старших. Белый — для выпускниц. Вам достанется синий. Но красивый синий.

Он отошёл на шаг и прищурился.

— Волосы — ровнее. Спину — прямее.

Аня тут же выпрямилась ещё сильнее.

— Вот. Уже лучше, — одобрил портной. — Смольный вас окончательно выпрямит. Вот уж что там умеют — так это держать спину. Настоящей фрейлиной выйдете. Но до этого ещё синее платье, потом серое, потом белое Вы учитесь — я работаю. Так и живём.

Аня не помнила, что значит «фрейлина». Кажется, так называют дам из императорской свиты.

Портной снова подошёл, приложил ткань и быстро отметил что-то мелом.

— Рукав — такой длины, чтобы кисти были свободны для письма и рукоделия. Юбка — до пола. Но не так, чтобы этот пол подметать. Для этого там специальные люди есть.

Маменька слушала молча. Когда портной говорил об осанке, лицо у неё смягчалось. Когда о строгости и порядке — снова становилось тревожным.

— В Смольный не берут просто так, барышня, — продолжал портной. — Если вас сразу определяют во второй разряд — значит, доверяют. И платье должно быть соответствующее.

Он легонько коснулся ткани, будто проверяя, уважает ли она будущую хозяйку.

— По уставу украшений на форме быть не должно. Но мы схитрим. Сделаем внутри маленькую вышивку. Только для вас. Чтобы вы помнили: платье ваше, даже если всё остальное станет общим.

Портной подмигнул.

Аня решила, что в ответ нужно улыбнуться.

Он захлопнул блокнот.

— Ну вот и всё! Через три дня приходите на примерку. А пока запомните: лучшая булочная возле учебных рядов в Апраксином дворе — «У Трёх Калачей».

Аня и маменька переглянулись.

— Все, кто у меня форму заказывает — и смолянкам, и гимназистам, — потом едут на Апрашку: кто за нотными тетрадями, кто за бумагой для чистописания. А у меня там брат пекарню держит. Лучшие бублики в Петербурге. Скажете, что от меня, — к любому заказу подарок получите.

Аня спустилась с подставки.

Перспектива ещё несколько часов ходить по торговым рядам ей совсем не нравилась.

А вот бесплатный бублик — другое дело.

IX.

Митрич сидел на облучке городского экипажа дяди Андрея и читал толстую книгу, водя пальцем по строчкам. Увидев своих, сразу оживился.

— Ну что, Софья Михайловна, куда теперь?

— Апраксин двор, — сказала мама.

Митрич захлопнул книгу и убрал её в огромный карман сюртука.

— Интересная? — спросила Аня, забираясь в экипаж.

— Очень, — серьёзно ответил Митрич. — Там чиновник на шинель копит. Мучается, мёрзнет и страдает. Стало быть, хорошая книга. Жизненная.

Экипаж тронулся, и за окнами снова поплыли петербургские улицы.

К третьему дню город уже не казался Ане совсем чужим. Шумные фабрики, хитрые механизмы, толпы людей — всё это перестало удивлять и начало нравиться.

Ане совсем не хотелось обратно в деревню. Здесь каждый человек будто был частью огромного механизма. У всех — своё дело, своё место, своё движение.

И если для работы этой огромной машины нужно, чтобы она сидела в Смольном, училась и видела маму только по праздникам

Что ж.

Митрич вдруг резко натянул вожжи.

Экипаж остановился.

— Что там? — сразу спросила мама.

Митрич приподнялся на облучке и прищурился.

— Фонарь рванул. Давненько их не меняли

Аня увидела мостовую, усыпанную стеклом.

Возле столба валялась металлическая корона фонаря. Чёрная сажа расползлась по камням неровной звездой. Рядом на боку лежала карета.

Лошади бились в оглоблях, фыркали и пытались вырваться. Несколько мужчин удерживали их, кто-то ругался, кто-то дёргал дверцу кареты.

— Господи — тихо сказала мама.

У Ани похолодели руки.

Только что город казался огромным механизмом. И вдруг одна маленькая поломка перевернула карету.

— Да не бойтесь, — сказал Митрич, хотя сам держал вожжи жёстче обычного. — Вроде никто не пострадал. Просто перепугались.

Но Аня не могла отвести взгляд.

В деревне всё ломалось спокойно. Телега треснет, печь задымит, забор перекоится. Всегда находился кто-нибудь рукастый: крестьянин, кузнец, плотник.

А здесь

Здесь всё жило на огне, давлении, рычагах и цепях. И одна ошибка могла устроить беду посреди улицы.

Экипаж осторожно объехал толпу и поехал дальше.

Карета осталась позади.

А город — нет.

Булочные работали. Люди спешили. Где-то вдали снова загремели колёса. Петербург даже не подумал остановиться.

Это одновременно успокаивало и пугало. Как будто город был слишком большим, чтобы замечать отдельные несчастья.

Экипаж вдруг сильно трянуло. Потом ещё раз. Дома и церкви за окном подпрыгнули. Аня вцепилась в сиденье. Но через секунду колёса снова покатались ровно. Никто даже не обратил внимания.

— Добрались! — объявил наконец Митрич.

И в этот момент заиграла музыка. Сразу.

Будто где-то неподалёку одновременно начали играть десять флейт. Аня обернулась. Мама тоже. Даже Митрич спрыгнул с облучка посмотреть, что происходит.

На этот раз — никаких фонарей и карет.

Х.

Вывеска была такая: «Капитан Приборовъ: починка часовъ, шарманокъ, музыкальныхъ шкатулокъ и иныхъ механизмовъ».

А возле входа в мастерскую стоял мужчина и играл на шарманке.

Вернее, ногой он нажимал на педаль, а руками одновременно чинил какой-то механизм. Педаль ремнём соединялась с шарманкой, так что музыка играла сама собой, пока он работал.

Аня даже остановилась.

Это выглядело как фокус.

Шарманщик был одет в яркий кафтан. На голове — слишком высокий цилиндр, почти цирковой. Из-под него выбивались длинные тёмные волосы с редкой сединой, собранные в хвост.

Лицо у него было гладко выбритое и очень бледное.

И почему-то в нескольких местах — в мелких царапинах.

Отведя взгляд от механизма, шарманщик вдруг заметил Аню, маму и Митрича.

И замер.

Всего на полсекунды.

Но Аня успела заметить.

Будто он их узнал. Или испугался.

Музыка резко оборвалась.

Шарманщик несколько раз глубоко вдохнул, потом вдруг широко улыбнулся и заговорил так громко, будто выступал на сцене:

— Уникальные механизмы! Музыкальная шкатулка поёт перед дождём! Шарманка меняет мелодии! Часы бьют тогда, когда вам удобно!

Он говорил слишком весело. Слишком быстро. Будто пытался заделать весельем какие-то очень грустные дыры в душе.

Аня посмотрела на маму.

Мама — на Аню.

Потом на Митрича.

Потом — на бесконечные ряды Апраксина двора.

— Барышне, думаю, всяко интереснее тут, чем по лавкам ходить, — осторожно сказал Митрич.

Маменька едва заметно кивнула.

— Ступайте. Так я хотя бы буду знать, где вы находитесь.

Шарманщик снова улыбнулся.

Но теперь Ане почему-то показалось, что смотрит он вовсе не на неё.

Шарманщик улыбнулся и жестом пригласил их зайти.

В мастерской было странно. Не грязно. И не пыльно. Просто казалось, что вещи здесь не лежат, а ждут.

На столах громоздились механизмы: медные шестерёнки, пружины, колёса с зубцами — большие и совсем крошечные, будто от игрушек. На полке мигало что-то похожее то ли на фонарь, то ли на клетку для светляков.

В углу тикали сразу трое часов. И каждые — в своём ритме.

От этого тиканья воздух будто слегка дрожал.

Шарманщик всё ещё улыбался. Он подошёл к шкафу, достал круглый бронзовый прибор с двумя колокольчиками сверху и поставил на стол.

На циферблате было четыре стрелки.

— Будильная машина. Из Парижа. Бьёт не каждый час, а когда хозяин захочет.

Он повернул ключ. Внутри что-то мягко зазвенело, словно механизм проснулся.

— Через пятнадцать минут сработает. А пока знаете, что это?

Шарманщик достал несколько плотных полосок с ровными рядами дырочек. Не бумага. Не картон. Что-то похожее, но чуть более плотное.

— Я знаю, — сказал Митрич. — Такие карточки на фабриках используют. Для станков. Шарманщик довольно кивнул.

— Верно говорите. На ткацких машинах всё просто: где дырка — там нитка и проходит. Так станок понимает, какой узор делать. А здесь вместо узора — музыка.

— Так не бывает, — сразу сказала Аня.

Карточки совсем не походили ни на ноты, ни вообще на что-то музыкальное.

Митрич тоже усмехнулся:

— Ишь ты. Музыка в дырках.

— Не верите? Тогда прошу!

Шарманщик вставил карточку в механизм и подвинул ручку к Ане.

Она осторожно начала крутить. Оказалось тяжело. Те, кто целыми днями играют на шарманках, должны быть очень сильными людьми.

Механизм внутри защёлкал. И вдруг заиграла мелодия. Аня остановилась.

Шарманщик тут же вытащил карточку.

— А теперь — Преображенский марш. Знаете такой?

Аня кивнула. Митрич — тоже. Карточка сменилась. Шарманка действительно заиграла Преображенский марш. Это было уже почти колдовство.

— Но такие шарманки есть не только у меня, — сказал мастер, — поэтому я ещё покажу вещь, которой вы точно нигде больше не увидите.

Он наклонился к низкой тумбе, выдвинул широкий ящик и поставил перед Аней. Внутри лежал лист бумаги.

Сбоку торчал карандаш в металлическом держателе, а от него тянулся тонкий провод ко второй коробке.

Почти такой же, но пустой.

— Это что? — спросила Аня.

— Координатный телеграф, — буднично ответил шарманщик. — Машина для передачи рисунков на расстояние.

— Рисунков?

— Рисуете здесь — он указал на первый лист, — а машина повторяет там.

Аня моргнула.

— Проверим?

Шарманщик осторожно закрепил её карандаш в металлическом рычаге.

— Ведите линию. Медленно.

Аня повела карандаш вниз. Потом вправо. Внутри машины отчётливо застучало.

И вдруг карандаш во второй коробке дёрнулся.

И повторил её движение.

Не идеально, но почти.

На бумаге появилась такая же линия. Аня ахнула и чуть не дёрнула рукой слишком резко.

Митрич тихо присвистнул.

— Как?..

Шарманщик пожал плечами с видом человека, показывающего детям фокус:

— Две рейки. Два контакта. Один провод. И двадцать четыре идеально сбалансированных рычага. Машина честно повторяет то, что делает человеческая рука.

Аня нарисовала дугу. На втором листе появилась такая же. Потом она нарисовала маленький домик с крышей. Машина, поскрипывая, повторила рисунок.

— Всякий телеграф передаёт сигналы, — сказал шарманщик. — Можно точки и тире. А можно — линии и координаты. Что прикажете, то и передаст.

Он показал на домик.

— Нарисуете звезду — получится звезда. Напишете имя — получится имя. Ну почти имя. Мелкие детали пока теряются.

Аня не могла оторваться. Это было как зеркало, только

Только зеркало, которое думало секунду перед тем, как тебя повторить.

— А в армии знают? — вдруг спросил Митрич.

Шарманщик сразу посмотрел на него внимательнее.

— Для армии и делали. Карты передавать. Но пока точности не хватает.

Он указал на линию над домиком — та ушла чуть криво.

В этот момент будильная машина вдруг громко зазвенела. Звук разрезал мастерскую так резко, что Аня вздрогнула.

— Пятнадцать минут! — довольно объявил шарманщик. — Точно по часам. Потому что это и есть часы. Просто хитрые.

Он повернулся к Митричу и протянул руку:

— Если часы дома сломаются — теперь знаете, к кому обращаться.

Митрич пожал руку.

— Солидно, — признал он. — Будем иметь в виду.

Маменька уже стояла в дверях. Будто пришла на звон будильной машины.

Ане ужасно хотелось остаться в мастерской ещё хотя бы на полчаса. Посмотреть другие механизмы. Потрогать карточки с музыкой. Понять, как машинка рисует на расстоянии.

Но Смольный уже будто тянул её за рукав. Требовал порядка, спокойствия, прямой спины.

Аня выпрямилась, как велел портной, и пошла к двери вслед за маменькой. Она ещё даже не поступила, а Смольный уже командовал её жизнью.

И это было странно.

Но почему-то казалось правильным.

До начала учёбы оставалось пять дней. Нужно было сходить к доктору — так требовал устав. Потом в церковь — потому что важные дела без божьей помощи не делаются. Потом на примерку платья. Подготовить бумагу, чернильницы, вещи.

Хотя вещей, как говорили, почти не понадобится, — там почти всё выдавали, — дел оказалось неожиданно много.

И все они требовали одного и того же: спокойствия, порядка, ровной спины.

Аня снова выпрямилась. На этот раз уже не специально. Будто сама стала механизмом. Как шарманка на карточках или координатный телеграф.

XI.

Церкви, церкви, церкви, церкви.

Перед каждым важным делом все всегда шли в церковь. И поскольку поступление в Смольный — дело, несомненно, важное, дядя Андрей настоял на том, чтобы идти в самую большую и красивую церковь в Петербурге. И обязательно поставить свечку Сергию Радонежскому. Чтобы в учёбе помогал.

Но вот по поводу учёбы Аня как раз не переживала. Ей было страшно совсем другое. Что она останется в Смольном, а мама уедет домой. Что спать придётся среди чужих девочек. Что если ночью станет страшно — никто не придёт и не скажет, что всё хорошо. И что теперь, кажется, всю оставшуюся жизнь придётся жить не дома, а в огромном чужом Петербурге.

Аня пыталась отвлечься разговорами с Митричем.

— А правда, что этот собор больше полувека строили?

— Да, барышня, ещё при позапрошлом императоре начали. При Александре Павловиче строили, при Николае Павловиче строили а в этом году только службы стали вести.

Возле церкви дядю Андрея ждали сослуживцы по министерству госимуществ.

— Поход в храм — важный акт социального взаимодействия, — сказал он перед выходом.

Сослуживцы ждали и разглядывали

Аня даже не сразу поняла, что.

Сначала показалось, что просто телега. Но телега эта была какая-то неправильная: обитая металлическими листами, с железными шестернями, пружинами, трубами и огромным котлом сзади. Из трубы поднимался дым, как от паровоза.

— Подметальная машина! — с гордостью объяснил им дворник.

— Ого! Чудо техники! — сказал один из чиновников, тощий.

— Даааа, — протянул дворник, с гордостью осматривая механизм, — при Николае-то Павловиче метлой мели. А теперь, при новом анператоре, — вот! Говорят, через пять лет всю Россию такими оснастят. А пока только в Петербурге семь. И ещё в Варшаве одна.

— По всей России, — сказал второй чиновник, потолще, — сначала надо дороги замостить. А то подметалка твоя утонет в грязи.

Чиновники расхохотались.

Андрей представил сослуживцев, но Аня не запомнила их имён. Да и зачем? Один тощий, второй толстый — и так вроде всё понятно.

— Ого, — сказал толстый, — так это и есть ваша смолянка?

Смольный, Смольный, Смольный, Смольный.

Где бы ни оказывалась Аня, теперь всегда говорили о нём.

Смолянки должны то, смолянки должны это. В институте учат тому, в институте учат сему. И причём никогда не говорили ничего конкретного. То спину держать, то платье не пачкать. Как будто без института нельзя платье в чистоте держать.

— Зато благодаря вам, Анна Петровна, — обратился тощий, — теперь у вашего дядюшки карьера расти будет!

Чиновники засмеялись. Маменька посмотрела на них достаточно строго, чтобы это вмиг прекратилось. И так же взглядом, она, кажется, потребовала объяснить.

— Чтобы получить должность получше или чин повыше, — объяснил толстый, — надо семейным человеком быть. Раньше-то он совсем по бумагам пропащим числился: ни детей, ни жены. А теперь — сирота на попечительстве. Да ещё и в Смольном!

— Хватит дурачиться, — отрезал дядя, — а то сейчас Софья решит, что я её дочь с корыстным умыслом в институт устроил

Дальше Аня не слушала.

Наблюдать за подметальной машиной было куда интереснее.

Внизу, оказывается, были щётки. Они крутились вместе с колёсами и закидывали всё в что-то вроде совка. А потом, видимо, всё содержимое совка попадало в огромный мусорный бак.

Интересно, а можно такую машину в дом? Ну, только чтобы поменьше. Тогда не придётся мыть пол. Но дыма наверное будет — замучаешься проветривать.

— Пойдёмте, господа, — тощий нацепил на голову цилиндр и взмахом руки указал направление.

Они начали идти, а собор, который было видно за крышами домов не приближался.

Как гора, которая кажется вот уже рядом, а на самом деле до неё ехать несколько дней.

Аня не видела гор, но читала в книгах.

Это же какого он тогда размера?

ХII.

Когда вышли на площадь, Аня ахнула.

Люди возле собора казались игрушечными. Словно его строили не для людей, а для великанов. И строили не люди, а великаны.

Она хотела сосчитать ступени, но сбилась.

Внутри оказалось ещё страннее.

Всё привычно пахло воском и ладаном. Но людей было так много, что шёпот каждого превращался в непрерывный гул. А сотни, если не тысячи, свечей отражались в золоте, в иконах, в полированном камне, и казалось, что всё светится изнутри.

Аня подняла голову и сразу пожалела. Потолок был так высоко, что закружилась голова. Аня пошатнулась.

— Что с тобой? — спросила мама.

— Всё хорошо, — ответила она.

Но взрослые тут же решили, что, во-первых, ребёнку душно. А во-вторых, после похорон отца она ещё не отошла. И поэтому ей срочно нужно стоять на улице и ждать там.

Вообще-то в соборе было интереснее. Но спорить было бессмысленно.

На ступеньках сидели нищие. И этим Исаакиевский собор не отличался от других церквей, что видела Аня. И от городских, и от деревенских.

А ниже, чуть сбоку, стоял мужчина с каким-то очередным странным аппаратом.

— Мгновенная фотография! Раз — и ваше изображение на стекле. Машинка рисует сама, лучше любого художника!

Аппарат, который он использовал для своей «мгновенной фотографии», представлял собой деревянный ящик на трёх тонких ножках.

Спереди — блестящая круглая трубка. Сзади — чёрная ткань. Рядом стоял маленький столик с какими-то склянками, металлическими пластинками и рамками для стекла. Всё это выглядело не как художественное ремесло, а как опыт по химии.

Какой-то солидный мужчина в дорогом фраке попросил сфотографировать его на фоне собора.

— Стойте и не двигайтесь тридцать секунд, — сказал фотограф и зачем-то полез под тряпку.

Прошло какое-то время.

— Всё, — фотограф вылез из-под тряпки.

— И правда, мгновенная. Раньше по пять минут надо было сидеть.

— Да, — фотограф назвал цену и получил монеты, — забрать фотокарточку можно каждый день с двух до трёх тут или в мастерской, вот адрес.

Мужчина забрал визитку с адресом мастерской.

Следом к фотографу подошла старушка.

Спросила, можно ли забрать фото сына.

Фотограф порылся на столе и нашёл. На стеклянной пластине был нарисован молодой солдат. Совсем как живой!

Ну, то есть он и был, наверное, живой, раз его несколько дней назад сфотографировали. Но он был где-то, а изображение было тут. И ни один художник, как бы талантлив он ни был, не смог бы нарисовать портрет с такой точностью.

Старушка любовалась фотокарточкой. Посмотрела вблизи. Посмотрела под углом. Посмотрела на вытянутых руках. Поставила на мостовую и даже сделала несколько шагов назад, чтобы посмотреть совсем издали.

— Ну, хоть на стенку вешай, — сказала она.

Мимо проходил мужик. Удивился. Сказал:
— Что ж ты сына-то, угробить решила?
— С чего это? — удивилась старушка.
— Так машинка его знаешь как работает?
— Как?
— Душу крадёт!
— Как это?
— Через вот эту дырку.
— Нет же, — вмешался фотограф, — чистая физика и химия. Никакой кражи душ.
— А говорят, один барин сделал фотографию и ослеп. Точно говорю, душу крадёт.
— Так если б аппарат души крал — как бы я мог одного человека два раза сфотографировать?
— А он по частям! — сказал мужик.
— Ладно, — выдохнул фотограф, — возле такого-то храма, большого и красивого, Господь не позволил бы машинке души красть!
И вот это, внезапно, стало доводом.
— И то верно.
Старушка перекрестилась:
— Ну, слава Богу
Она повернулась к тому месту, где только что лежала фотокарточка
а фотокарточки не было.
Зато была идеально начищенная мостовая. И подметальная машина уехала уже почти за поворот.
— Ой! Украли! Похитилииии!
Старушка завопила так, будто машина съела не портрет её сына, а вот прямо его самого. Пережевала и теперь переваривает.
Фотограф схватился за голову. Он и хотел бы побежать, но боялся оставить стол и свой аппарат.
— Он в подметальной машине! — крикнула Аня. — Стойте тут!
Аня побежала за машинкой.
— Подождите!
Дворник не сразу понял, что Аня кричит именно ему.
Он сидел на подметальной машине и был весь увлечён процессом.
Наверное, очень интересная работа.
— Подождите!
А как в городе обращаются к дворнику? Господин дворник? Уважаемый оператор подметальной машины? А как бы обратилась мама?
Мама бы не бежала за дворником.
А дядя Андрей? Он отправил бы Митрича.
А Митрич?
Аня набрала в грудь побольше воздуха и крикнула:
— Стооой!
Самым низким голосом, на который только была способна.
Дворник дёрнул за какой-то рычаг, и машина остановилась.
— Что стряслось, сударыня? — спросил он.
— Ваша машинка съела фотокарточку.
— Кого съела?
— Портрет солдата. На мостовой лежал. Вы можете его достать?
Служитель подметальной машины задумался.

- Могу Токма енто надо до дворницкой ехать.
- А мы сейчас можем поехать? А то там мама солдата ждёт
- Ну залазьте, сударыня. Раз солдат-то, значит, государево дело. Аня залезла на подметальную машину.
- Впервые вижу, чтоб столичные барышни так ловко
- Я не столичная, — сказала Аня.
- Ну тогда готовьтесь! — дворник дёрнул за какой-то рычаг — щётки приподнялись, дёрнул за второй — внутри машины что-то громко щёлкнуло, зашипело и застучало.
- Пошла, родимая! — крикнул дворник и ударил ладонью по металлическому боку. Подметальная понеслась по улицам Петербурга как санки на Масленицу.

ХІІІ.

Машину трясло на мостовой так, что Ане пришлось вцепиться обеими руками в железный борт. Пар шипел где-то совсем рядом, щётки грохотали внизу, а прохожие шарахались в стороны.

Аня никогда ещё не ехала так быстро!

Ветер бил в лицо, из трубы валил горячий пар, а позади между домами то появлялся, то исчезал золотой купол Исаакия.

Машина свернула так резко, что Аня чуть не слетела с сиденья, и дворник довольно расхохотался, перекрикивая лязг шестерёнок:

— Вот енто, сударыня, и называется технический прогресс!

Дворник остановил свою машину в каком-то маленьком и неудобном дворе. Дома стояли друг к другу так близко, что из окна можно было увидеть, что творится в окне напротив.

Зато, наверное, можно с соседями чай пить и болтать, оставаясь каждый в своей квартире.

Подметальная машина заняла этот двор почти целиком.

— Обождите, сударыня, — сказал дворник и скрылся за маленькой дверью с облупившейся краской.

Через минуту он вернулся с инструментами: тяжёлым ключом, молотком и жестяным ящиком с гайками и болтами. Поставил всё прямо на мостовую, присел возле машины и начал что-то откручивать. Металл звякал о металл.

В этот момент во двор вошёл студент. Он был очень красив — с прекрасными тёмными глазами, темно-русый, ростом выше среднего, тонкий и стройный. Впрочем, он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, постыдился бы днём выходить в таких лохмотьях на улицу.

Даже дворник на его фоне выглядел купцом первой гильдии.

Студент остановился.

— Простите, — сказал он, — я не могу пройти домой.

Дворник даже не обернулся.

— Это куда ж?

— Домой.

— Так двор-то большой. Обойдёте.

Студент помолчал. Потом подошёл ближе и показал пальцем куда-то вниз.

— Вот сюда.

Аня проследила взглядом за его рукой.

Между стеной и огромным колесом подметальной машины действительно виднелась маленькая дверь. Настолько маленькая и неприметная, что Аня сначала приняла её за дверцу в подвал.

Дворник перестал крутить гайку.

— Эт тут живут?

— Да.

Дворник посмотрел на дверь ещё раз.

— И кто тут живёт? — спросил он недоверчиво.

— Я! — ответил студент.

Дворник почесал затылок.

— Ну, тут надо подождааааать.

И продолжил ковыряться в своей машине.

Дворник наконец вытащил фотографию. Стеклянная пластинка была вся в пыли, но солдат на ней всё ещё смотрел куда-то мимо зрителя с очень серьёзным видом.

— Ну вот, — сказал дворник, осторожно протирая фотографию рукавом, — целёхонький ваш солдат.

— Спасибо! — Аня прижала пластинку к груди, — там мама ждёт. То есть не моя мама. То есть солдатова.

— Понимаю, — серьёзно кивнул дворник.

Студент всё это время стоял рядом, наблюдая за машиной. Потом всё-таки не выдержал:

— И как оно внутри устроено?

Дворник сразу оживился.

— Паровой двигатель. Вот тут котёл, тут поршни, а отсюда уже на колёса идёт. Щётки через передачу крутятся.

— И не ломается?

Дворник посмотрел на разобранную машину, потом на груды гаек возле своих ног.

— Ломается, — признал он. — Но енто ж прогресс.

Студент задумчиво кивнул.

— А почему курьеры ими не пользуются? И ямщики?

— Ента дура проехать может полторы версты всего, — фыркнул дворник, закручивая гайку, — а потом надо воду заливать. Вот токма для уборки улиц и годится.

Подметальная машина зашипела. Где-то внутри снова тяжело застучало железо.

— Ну, бывайте, — сказал дворник.

Студент кивнул ему и исчез за своей маленькой дверью.

Машина выехала со двора.

Стало совсем-совсем тихо.

И тут Аня поняла, что не имеет ни малейшего понятия, где она.

XIV.

Дворы были одинаковыми.

Первый, второй, третий.

Или это ещё второй?

Каждый из них соединялся арками с несколькими другими. И над каждым из них был маленький-маленький кусочек равномерно серого петербургского неба.

Пройдя даже не зная сколько дворов, Аня вышла на набережную.

На набережной стоял шум.

Несколько женщин полоскали бельё прямо в реке. Белые простыни тянулись между столбами и окнами, как паруса. Рядом дымил огромный чан с кипятком, а какая-то странная машина с ремнями и железным колесом медленно крутила деревянные валики для отжима. Машина скрипела, фыркала паром и выглядела так, словно хочет съесть чью-нибудь юбку.

— Не суй туда руки! — крикнула одна из прачек девочке лет шести. — Хочешь как Митька без пальцев остаться?!

Девочка показала машине язык.

Аня посмотрела по сторонам. Исаакия видно не было. Только вода, мосты и ещё дома.

Она развернулась и пошла обратно во дворы.

Ведь если идти не туда — значит, можно попасть обратно. Так?

Через какое-то время дворы закончились.

Оказалось, что не так. С другой стороны тоже была набережная.

Тут пахло не мылом и кипятком, а дёгтем, мокрым деревом и угольным дымом.

Грузчики таскали какие-то ящики, а несколько механиков возились вокруг огромного медного водолазного шлема. Рядом стоял насос с маховиком, трубами и какими-то стрелочками. Два механика крутили рукоятки, и машина шумно качала воздух.

Рядом стоял водолаз. Огромный, в тяжёлом прорезиненном костюме, похожий не на человека, а на подводного рыцаря. Механики помогли ему закручивать болты на медном шлеме.

— И чего там на дне? — спросил кто-то из грузчиков.

— Якорь искать будет, — ответил другой. — Или пушку. Или утопленника. Он, поди, сам ещё не решил.

Грузчики заржали.

Водолаз поднял руку в толстой перчатке и глухо прогудел из шлема:

— Если опять шланг лопнет — я лично вас утоплю.

— Не утопишь, ваше благородие, — ответили с насоса. — Ты ж под водой будешь!

И все снова засмеялись, будто человек в железной голове, уходящий на дно реки, был в Петербурге самым обычным делом.

Аня решила вернуться во дворы и повернуть

Налево или направо? Дворник, кажется, сворачивал налево. Значит, сейчас надо повернуть направо. И тогда можно будет выйти на улицу, по которой можно дойти до площади.

Настоящий лабиринт!

Через несколько дворов Аня услышала впереди металлический грохот и голоса.

В очередной арке четверо рабочих тащили длинную железную балку. Даже вдвоём такую поднять было бы тяжело, а тут она ещё всё время норовила зацепиться за стены.

— Левее бери! Левее!

— Сам бери, я тут сейчас схохну.

Балка со скрежетом ударилась о кирпич. Один из рабочих выругался.

— Осторожнее, — сказал самый старший, с седыми бакенбардами, — а то опять кого-нибудь придавит.

Рабочие хмыкнули. Не весело хмыкнули, а как люди, которые слишком устали, чтобы сказать что-то членораздельное.

— Его ж предупреждали, чтоб под котёл не лез.

— Ага. Только кто тогда крепление чинить будет? Инженер, что ли?

— Инженер после того раза вообще на леса не поднимается.

Балка снова застряла в арке.

— Да поднимай ты выше!

— Куда выше?! Тут потолок!

Внизу седой тихо шепнул:

— Вот так Семёну голову и расплющило. Думать надо было, что потолок.

Они всё-таки протащили балку дальше и скрылись в следующем дворе, продолжая ругаться уже где-то вдалеке.

Аня стояла молча.

Такой Петербург совсем не походил на столицу Империи с почтовых карточек.

На секунду ей подумалось, что она теперь будет блуждать в этих лабиринтах, пока ей или пальцы машинкой не оторвёт, или она не утонет, или балкой не расплющит голову.

Невозможно же жить, когда дома одинаковые, дворы одинаковые, и в каждом какая-то техническая ерундовина пытается тебя убить!

Однако тут жили люди. Настоящие, живые. И каждый из них находил какие-то свои причины оставаться в этом гигантском городе. И все они вместе делали Петербург тем, чем он являлся.

Столицей огромной империи, от Варшавы и до Аляски.

Аня остановилась и попыталась подумать, у кого спросить дорогу.

И потом где-то ударил колокол.

Аня вышла на набережную и по колокольному звону дошла до собора.

Сколько она блуждала по дворам — было неясно. Бабушка и фотограф всё ещё ждали её, но вокруг уже собрались несколько прохожих.

— Сказала, говорит, барыня побежала за фотокарточкой. И пропала, — говорил один.

— Да не барыня, а барышня. Девочка совсем, — сказал второй, — прыгнула на подметальную машину и унеслась!

— А была ли девочка-то? — спросил третий. — Может, девочки-то никакой и не было?

Аня отдала фотографию, а старушка рассыпалась в благодарностях.

Через минуту Аня увидела, как из собора выходят люди. И побежала встречать маму, дядю Андрея и Митрича.

День выдался настолько странным, что рассказывать о нём взрослым совершенно не хотелось. Да и как объяснить, что тебя катал по Петербургу дворник на паровой подметальной машине, а потом ты заблудилась среди дворов, водолазов и людей, которых всё время чуть не убивает техника?

Но когда Аня подбежала к маме, она вдруг поняла одну очень важную вещь.

Если уж она не потерялась в огромном Петербурге — значит, и со Смольным как-нибудь справится тоже.

XV.

Генриетта Фогт, классная дама старших воспитанниц Императорского Смольного института благородных девиц, просыпалась в шесть утра безо всяких будильных машин.

Привычка к распорядку — чрезвычайно надёжная вещь.

В спальне было холодно, но терпимо.

Фогт откинула тяжёлое одеяло и сразу встала. Ноги привычно нашли туфли, чтобы не касаться ледяного пола. Сорочка легла на плечи. Потом первый подъюбник. Второй. Тяжёлое платье — строго по уставу.

Воротник сидел плотно. Чепец — симметрично. Зеркало существовало не для красоты. Только для проверки: всё соответствует форме.

На столике лежала Библия. Генриетта раскрыла её без закладки.

— Herr Gott, himmlischer Vater — негромко начала она.

На середине молитвы Фогт вдруг остановилась. И закрыла книгу. Молитва постепенно тоже превращалась в часть распорядка, и это ей не нравилось.

Надо будет зайти в церковь Святой Анны. Но не сейчас. Сейчас нужно приниматься за работу.

Фогт мысленно перечислила дела на день: обход дортуаров, проверка формы, распоряжения служанкам, подготовка к визиту Её Высочества.

Ничего из этого не требовало чувств. Она сняла с крючка плащ, но тут же повесила обратно.

Холодно, но не сезон. А значит, плащ нельзя.

В коридоре ещё сильнее захотелось накинуть плащ. Стены за ночь словно напитались сыростью. Каблуки стучали громче обычного. Что-то липко скрипнуло под подошвой.

Служанки вчера плохо счистили воск. Надо будет обратить внимание.

Из дортуара синих платьев донёсся смех. Слишком ранний. Слишком громкий. Фогт даже не повернула головы. Дарья Ивановна опять недоглядела. Надо будет вечером проверить спальни синих платьев лично.

Генриетта вошла в дортуар старшего разряда. Шторы были раскрыты только наполовину. Дежурная ленится.

Фогт решительно распахнула их одну за другой.

Комнату залил холодный утренний свет.

Потом открыла форточку. Проветривание — обязательная часть распорядка. Температура значения не имеет.

— Доброе утро, барышни, — произнесла она своим ровным голосом.

Воспитанницы встрепенулись.

— Доброе утро, госпожа Фогт, — ответили старшие девочки.

— Шесть часов. Через двадцать минут жду всех в коридоре.

Кто-то тихо прошептал:

— Но холодно ведь

Фогт не обернулась.

— Значит, стоит двигаться быстрее, — сказала она. — Это лучший способ согреться.

Это была не жестокость. Это была логика. Фогт вышла в коридор, слыша за спиной шёпот:

— Сегодня она как будто не очень злая

— А она вообще мёрзнет?

— Как можно жить без жалости?..

Фогт не замедлила шаг.

По коридорам расходились голоса, топот, ворчание воспитанниц и звон тазов из умывальных.

Смольный проснулся.

В кабинет начальницы института Генриетта вошла первой из классных дам. Как обычно. Всё-таки у руководства старшими девочками есть свои плюсы. Например, они способны самостоятельно дойти от церкви до столовой.

А у окна сидел инспектор классов Иван Карлович. Он просматривал бумаги.

— Доброе утро, госпожа Фогт, — сказал он, не поднимая головы.

В кабинете пахло хвоей. К приезду высоких гостей всегда ставили сосновые ветви и цветы — так воздух становился свежее и торжественнее.

Фогт встала у стены. Ровно так, как требовал этикет. Дверь открылась почти бесшумно.

— Доброе утро! — сказала начальница института Мария Павловна Леонтьева. — Опять вы первая, госпожа Фогт. Как ваши девочки?

— Без происшествий, — ответила Генриетта.

Следом вошла Дарья Ивановна. Чуть быстрее, чем позволяли правила. И сразу стало понятно: её утро прошло гораздо спокойнее. Фогт неожиданно отметила, что это даже приятно.

Не то чтоб её радовали чужие неприятности. Просто приятно понимать, что порядок не возникает сам, и кто-то правда прикладывает к этому большие усилия.

— А ваши девочки как, Дарья Ивановна? — спросила Леонтьева.

— Уже успела разнять Оболенскую и Якушину. Чуть не подрались из-за одеяла, — ответила та. — Пока без наказаний. И сегодня ждём новую воспитанницу. Дочь покойного штабс-капитана Селиванова, кажется.

Леонтьева едва заметно кивнула и посмотрела бумаги:

— Да, Селиванова, — прочитала она фамилию.

В кабинет вошли остальные классные дамы, учителя и даже несколько служителей из старших.

Кто-то сел. Кто-то остался стоять.

— Доброе утро всем, — начала начальница. — Послезавтра нас посетит Её Высочество. Визит непарадный, так что без концертов. Прогулка, смотр занятий, проверка документов, беседа с воспитанницами и церемониальный подарок.

Фогт быстро оценила объём работы. Привести разряды к единообразию. Проверить форму. Уточнить расписание. Ничего сложного.

— План понятен, — сказала она.

В коридоре послышалось быстрое цоканье каблучков. Потом служанка осторожно заглянула в кабинет.

— Госпожа Леонтьева к воротам подъехала карета. Говорят, новая для синих платьев.

Леонтьева посмотрела на Дарью Ивановну. Та сразу поднялась.

— Сейчас посмотрю, — она поклонилась и быстро вышла.

Топот каблучков растворился в коридоре.

— Есть ли что-то ещё, что я должна знать? — спросила начальница института.

— Никак нет, — торопливо ответил инспектор.

Все поклонились и разошлись.

XVI.

В экипаже сидели трое.

Дядя Андрей — в служебном мундире.

Маменька — в траурном платье, положенном для вдовы штабс-капитана.

Аня — в синем форменном платье.

— Ещё не выехали, а уже видно — смолянка, — сказал Митрич утром, увидев её в платье в первый раз.

Сам он тоже оделся по-официальному, в кучерский сюртук.

За неделю в Петербурге Аня перестала ему удивляться.

В деревне крепостные не читали книг, не спорили с господами и не имели мнения по важным государственным вопросам.

А Митрич был совсем не таким.

Вся его напускная мужицкая простота, кажется, была чем-то вроде этикета. Чтобы господа вокруг не почувствовали себя дураками.

Он числился кучером при министерстве, получал жалованье и постоянно читал какие-то толстые книги. Иногда спорил с дядей Андреем. Иногда давал советы.

И почему-то почти всегда оказывался прав.

Сейчас Митрич сидел на облучке и уверенно вёл экипаж через шумные петербургские улицы.

Аня вдруг поняла, что очень к нему привязалась. И от этого стало не по себе. Потому что скоро всё закончится.

Не будет рядом ни маменьки, ни дяди Андрея, ни Митрича. Только воспитанницы и воспитательницы.

Хотя воспитательницы ведь тоже должны быть добрыми?

Аня вспомнила ту, которую она испачкала мороженым в Летнем саду.

Вряд ли можно назвать её доброй.

Экипаж остановился.

— Что стоим? — спросил дядя Андрей.

Он выглянул в окно.

— Все стоят — и мы стоим, барин, — ответил Митрич.

Мимо пробежал мальчишка с газетами. Кудрявый, темноволосый, в потрёпанной куртке и слишком больших сапогах. На ходу он размахивал пачкой газет и выкрикивал:

— Сенсация от «Северного листка»! Обокрали изобретателя Чебышева! Соседи говорят — украли заводную крысу!

— Ишь ты — заинтересовался Митрич. — А что ещё говорят?

Мальчишка моментально подскочил к экипажу.

— Ещё говорят, что раньше у него по ночам что-то шуршало, а теперь не шуршит! Соседи выражают тайному похитителю письменную благодарность! Вот, на третьей странице.

Маменька неодобрительно поджала губы. Митрич фыркнул от смеха.

— Две копейки! — тут же заявил мальчишка.

— Так я ж читать не умею, — сказал Митрич, заталкивая свою книжку поглубже в карман.

Мальчишка даже не смутился.

— Так я ж уже всё рассказал!

Дядя Андрей хмыкнул.

Митрич пробурчал что-то вроде:

— Вот шельма — и дал две копейки.

Мальчишка ловко поймал их на лету, отскочил от колеса — и вдруг заглянул внутрь экипажа. Прямо на Аню. Аня тоже посмотрела на него.

Мальчишка расправил плечи так важно, будто был не газетчиком, а как минимум молодым дипломатом.

— Смолянка? Bonjour, mademoiselle. Je suis Antoine, à bientôt, — сказал он вдруг по-французски. — Я — Антуан. И мы ещё увидимся.

Маменька резко повернулась к окну.

— Упаси Господь.

— Пошёл вон! — рявкнул дядя Андрей.

Аня почему-то улыбнулась.

И тут же перестала. Смолянке ведь, наверное, не полагается улыбаться уличным мальчишкам. Маменька заметила её лицо и тихо вздохнула, но ничего не сказала.

Антуан уже исчез в толпе. Только крик его ещё какое-то время прыгал по улице вместе с другими голосами:

— Сенсация! Сенсация!

— В Петербурге даже разносчики газет говорят по-французски? — спросила Аня.

Маменька снова поджала губы.

— И совершенно напрасно.

Дядя Андрей усмехнулся.

— В Петербурге все друг перед другом выпендриваются. Мальчишки — перед барышнями, коллежские советники — перед статскими, купцы — перед дворянами

— Да, — сказала мама, — видишь, он и сам в мундире. Это чтобы в Смольном сразу поняли, с кем имеют дело.

Митрич закашлялся от смеха. Дядя Андрей деловито поправил воротник мундира.

— Да на этом половина империи держится, — сказал он.

Экипаж наконец тронулся.

И Петербург — шумный, дымный, пахнущий углём, лошадьми и рекой — вдруг начал заканчиваться.

XVII.

— Уже почти приехали, — сказал Митрич.

Впереди над деревьями вдруг поднялись белые стены.

Сначала Аня увидела купола — голубые, с золотыми звёздами. Потом — огромный белый фасад с колоннами. Здание казалось слишком большим для школы.

— Это церковь? — тихо спросила она.

— Это монастырь. Тоже Смольный называется. Главное сейчас не перепутать, — улыбнулся дядя.

— Андрей! — строго сказала маменька. — Не пугай Аню.

Каменные корпуса тянулись вдоль дороги, двор был ограждён решётками, а у ворот стояли люди в форменных сюртуках. Институт не был похож на обычное здание. Скорее как будто возле Петербурга построили ещё один Петербург поменьше. Для государственных нужд.

Лошади замедлили ход.

Экипаж свернул к воротам института.

Митричу даже не дали спуститься со своей скамьи. Подбежали люди в форме — не в военной, но в похожей, — открыли двери экипажа. Увидели дядю Андрея в мундире, выпрямились, поприветствовали.

— Новую воспитанницу привезли

Тут же достали сумки с вещами. Аня даже не задумывалась о том, где они были в экипаже. Сзади, что ли, примотаны?

Маменька вышла, дядя Андрей вышел и помог выйти Ане.

Митрич спустился.

Служанка на крыльце поздоровалась, сказала:

— Доложу о вас госпоже начальнице, — и убежала в здание.

Вещи уже унесли.

— Василий Дмитриевич, — сказала Аня, — вы же умеете читать. Зачем вы сказали мальчишке-газетчику, что не умеете?

— Так то книги, барышня. Их я читать умею. А дурных газет за две копейки — не умею. И Вам не советую. Разве что как сувенир!

Митрич протянул ей «Северный листок». Аня забрала газету, сложила и убрала в сумочку.

На миг Ане показалось, что хранить большую газету в маленькой сумочке — очень расточительное использование пространства.

С другой стороны, там обокрали какого-то изобретателя. И у него была механическая заводная крыса. Если между занятиями будет скучно — можно будет чем-то себя занять.

Только сейчас Аня осмотрелась.

Они стояли перед настоящим дворцом. Три этажа, высоченные окна, толстые белые колонны, а над центральным входом — гигантский, выше человека, двуглавый орёл.

От кремовых стен веяло одновременно и суровостью, и каким-то трудноуловимым государственным. По сторонам тянулись длинные корпуса, образуя широкий двор. Всё было строго, симметрично и немного пугающе.

За зданием поднимались купола собора — голубые, как весеннее небо, усыпанные золотыми звёздами. Там монастырь, — подумала Аня, — и там живут те, кто посвятил себя Богу. А кому посвящают себя те, кто живёт в Институте?

— Здесь живут все? — спросила Аня.

— Здесь живут, учатся и воспитываются, — сказал дядя Андрей.

— И вот ещё, барышня, — Митрич протянул Ане маленькую иконку, — образ святого Сергия. В учёбе помогает. Спрячьте, там нельзя лишнего.

— Нельзя образ?

— Образ можно. Лишнего нельзя.

Ане показалось неправильным, что икона будет лежать в сумочке возле газеты, которую Митрич не умел читать. Но если так того требуют правила — то пусть.

— Ну что, пошли? — дядя Андрей осмотрелся. — Митрич, ты с нами.

— А мне можно разве?

— Скорее всего, без дела нельзя. На вот, — Андрей Петрович протянул Митричу свою шляпу, — держи и храни. Теперь у тебя есть дело.

Митрич с восторгом пошёл вперёд быстрее и хотел было открыть дверь для господ но его опередили служители.

— Эво, какие пряткие, — слегка обиженно буркнул Митрич.

XVIII.

— Фамилия? — сухо сказал усатый привратник Института благородных девиц. Усы у него были огромные, пышные, почти как у царя.

Когда Аня уезжала из деревни, она думала, что в Петербурге можно будет увидеть Императора. Но город оказался таким большим, что никакой Император не сможет объехать его и показаться всем даже за неделю.

Да и запах в Петербурге такой, что если бы Аня сама была царицей, она бы уехала жить куда-нибудь подальше. Возможно, обратно в Псковскую губернию. Наверное, и Император иногда уезжает из Петербурга не по делам, а просто подышать воздухом. А кто ему запретит? Он же царь.

Но портреты Императора Александра Николаевича висели везде: у дяди Андрея дома, в лавках, в магазинчиках и даже иногда просто на улице.

У Императора были огромные усищи — пышные, уходящие из-под носа вниз по щекам и переходящие в бакенбарды, а потом и в волосы на голове.

Глупо, если подумать, когда у тебя усы превращаются в волосы на голове, подумала Аня. Она чуть улыбнулась — и тут же испугалась.

Нельзя же думать, что Император выглядит глупо.

Так вот, у привратника института были почти такие же усы. Только седые. И мундир у Императора, конечно, был не потрёпанным. А у привратника — был.

И сейчас этот усатый привратник что-то спросил. Аня засмотрелась на его усы и уже забыла что.

— Селиванова, — сказал дядя Андрей и протянул бумаги.

— Уже докладывают, ваше — привратник оценил мундир дяди Андрея, — высокоблагородие.

Аня стояла между маменькой и дядей Андреем и старалась не вертеть головой. Внутри института было тихо — как в церкви. Только где-то далеко звякнула посуда и сразу стихла.

В воздухе пахло воском, крахмалом и чем-то ещё — может быть, еловыми ветвями. В деревне так пахло только в церкви зимой.

По коридору послышались быстрые шаги.

Сначала показался тёмный подол платья, потом сама дама.

Она шла быстро, почти не глядя по сторонам, словно мысленно ещё оставалась в другом разговоре.

— Простите, — сказала она привратнику, чуть кивнув. — Совещание затянулось.

Потом повернулась к Андрею и Софье.

— Дарья Ивановна, классная дама синих платьев, — представилась она, делая аккуратный поклон.

Голос у неё был спокойный и ровный.

Она перевела взгляд на Аню.

— Вы, должно быть, Анна Селиванова.

Это прозвучало не как вопрос.

Аня кивнула.

Дарья Ивановна внимательно посмотрела на её платье, на фартук, на аккуратно заплетённые косы.

Осмотр длился всего секунду.

— Всё в порядке, — сказала она.

Потом обратилась к Софье:

— Вы удивительно вовремя: воспитанницы сейчас пойдут на завтрак, за это время мы как раз познакомимся. Через полчаса уже начнутся занятия.

Она говорила мягко, но в голосе чувствовалась привычка распоряжаться.

— Девица будет учиться в моём классе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.